

принцип бытования молитвенных текстов в масштабе массовой религиозной культуры Московского царства вообще. Следует отчасти согласиться с Ив Левин, считающей, что унификация и «исправление церковных книг при патриархе Никоне и его преемниках вывело традиционные фольклорные молитвы за пределы канона и, может быть, вытеснило их в «биоход старообрядцев»,⁶⁶ однако можно предположить, что их выведение за пределы канона даже на институциональном уровне долгое время соблюдалось непоследовательно — свидетельства о более или менее скрытой ориентации на старый обряд в среде приходского священства достаточно многочисленны,⁶⁷ не говоря уже о плохо поддающейся отслеживанию и контролю циркуляции этих текстов в среде мирян, где они оставались, по всей видимости, крайне востребованными. Весьма правдоподобной кажется мысль о непреходящей актуальности текстов, интенционально окрашенных в диапазоне от просительных до директивных, для массового религиозного сознания. Компилятивный характер ранних духоворческих текстов, использование литургических цитат и заговорных моделей могут послужить основанием для гипотезы о «заговорной модели» формирования части псалмов. Кажется важным рассматривать их как типичное для периода XVII–XVIII веков явление — с этой точки зрения предположение о старообрядческих и хлыстовских корнях духовного христианства не указывает на его маргинальность, а напротив, свидетельствует о вовлеченности в массовые и характерные для своего времени процессы поиска формата религиозной жизни, отвечавшего расхожим представлениям, в соответствии с которыми она могла быть организована.

Прояснение характера подобных связей должно стать предметом дальнейшего исторического исследования, социальный контекст которого задают центрально- и южнорусские пограничные территории с высокой мобильностью населения,⁶⁸ социально уязвимые в интересующий нас период сословия однодворцев⁶⁹ и приходских священников,⁷⁰ а культурный — широкое распространение религиозного диссидентства, которое стало территорией трансформации коллективной религиозности в России XVII века.

⁶⁶ Левин И. Двоеверие и народная религия в истории России. М., 2004. С. 104.

⁶⁷ Лавров А. С. Колдовство и религия в России: 1700–1740 гг. М., 2000. С. 60–74.

⁶⁸ Clay J. E. Russian Spiritual Christianity and the Closing of the Black-Earth Frontier: The First Heresy Trials of the Dukhobors in the 1760s // Russian History. 2013. Vol. 40. № 2. P. 221–243.

⁶⁹ Esper T. The *odnodvortsy* and the Russian nobility // The Slavonic and East European Review. 1967. Vol. 45. № 104. P. 124–134.

⁷⁰ Лавров А. С. Колдовство и религия в России. С. 60–74; Freeze G. L. The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century. Cambridge, Mass., 1977.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-2-37-41

© К. Ю. Лаппо-Данилевский

АНАКРЕОНТИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ И. Ф. ФОН ПАЛТЕНА И Х. Ф. ВЕЙСЕ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ XVIII ВЕКА*

Влияние немецкой анакреонтики на русскую остается по настоящий день малоисследованным как из-за небольшого числа эксплицитных отсылок к конкретным немецким текстам в русских стихотворениях, так и из-за того, что оно было большей частью общим, но при этом и весьма существенным, определившим во многом поэтику

* Статья написана в рамках работы по гранту РГНФ «Русская анакреонтическая ода XVIII — первой четверти XIX века» (16-04-00280).

русской анакреонтики. Одним из первых и весьма влиятельных проводников этого воздействия следует признать М. В. Ломоносова, опубликовавшего рифмованный перевод третьей анакреонтической оды «Ночною темнотою...» в «Кратком руководстве к красноречию» (1748). «Разговор с Анакреоном», содержащий перевод еще четырех анакреонтических од и ответы Ломоносова на них, был написан между 1758 и 1761 годом и был впервые напечатан уже посмертно, в 1771 году;¹ с тех пор он многократно переиздавался. Хотя анакреонтические стихотворения без рифм в немецкой литературе также имелись, немецкое влияние на русскую анакреонтику сказывалось главным образом в произведениях, написанных рифмованными строфическими стихами, в которых чередование мужских и женских рифм было упорядочено по образцу вышеупомянутых переводов Ломоносова. Метрический репертуар этих анакреонтических стихотворений был весьма ограничен: трехстопные и четырехстопные ямбы и четырехстопные хорей.

Альтернативные представления о форме русских анакреонтических од, в большей степени приближенных к их древнегреческим прототипам, продемонстрировал А. П. Сумароков, опубликовавший в июльском номере «Ежемесячных сочинений» за 1755 год две эталонные оригинальные анакреонтические оды («Пляскою своей, любезна...» и «Завидны те мне розы...»)² Согласно этим образцам, анакреонтические оды должны были быть астрофичны, иметь женские нерифмованные клаузулы и быть написаны либо четырехстопным хореем, либо трехстопным ямбом. Авторитет Сумарокова способствовал тому, что его последователи (М. М. Херасков, А. А. Ржевский, И. Ф. Богданович и др.)³ в последующие годы следовали эталонам, созданным их мэтром.

Но если немецкое влияние при утверждении ломоносовского канона анакреонтической оды осуществлялось главным образом опосредованно, то тем большего внимания заслуживают те немногие случаи, когда на обращение к немецкой анакреонтической поэзии русские литераторы указывали эксплицитно. В связи с этим небезынтересен «перевод с немецкого анакреонтических стихов» во второй части журнала «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета» за 1779 год, источник которого до сих пор не был установлен. Журнал этот издавался Н. И. Новиковым сначала в Петербурге, а затем в Москве, преследовал в первую очередь развлекательные цели и отличался крайней пестротой содержания. Основным критерием для помещения в нем какого-либо произведения была объявлена его «приятность прекрасному полу», который, если удастся угодить его вкусу, как раз и должен был сделать издание «модным».⁴

Под общим заголовком «перевод с немецкого анакреонтических стихов» во второй части журнала «Модное ежемесячное издание» было опубликовано семь следующих стихотворений: 1) «Вдохновение» («Аполлон! Бог стихотворства...»); 2) «Убийство» («Есть ли жизнь, как уверяют...»); 3) «Елисейские поля» («Обойми меня, драгая...»); 4) «Продолжение любви» («Любовь мой дух питает...»); 5) «Преселение душ» («Счастливей всех на свете...»); 6) «К девке» («Что ты смотришь столько часто...»); 7) «К живописцу» («Живописец! Ты срисуй мне...»)⁵ Как мне удалось установить, все они явля-

¹ Ломоносов М. В. Разговор с Анакреоном: [1] Анакреонт. Ода I («Мне петь было о Трое...»); [2] Ломоносова ответ («Мне петь было о нежной...»); [3] Анакреонт. Ода XXII («Когда бы нам возможно...»); [4] Ломоносова ответ («Анакреонт, ты верно...»); [5] Анакреонт. Ода XI («Мне девушки сказали...»); [6] Ломоносова ответ («От зеркала сюда взгляни, Анакреон...»); [7] Анакреонт. Ода XXVIII («Мастер в живописстве первой...»); [8] Ломоносова ответ («Ты счастлив сею красотою...») // Российский Парнас. СПб., 1771. Ч. 1. С. 26–34.

² Сумароков А. П. 1) «Пляскою своей, любезна...»; 2) «Завидны те мне розы...» // Ежемесячные сочинения. 1755. Июль. С. 70–71 (подп.: А. С.). На эталонный характер двух этих стихотворений впервые было указано в статье Г. А. Гуковского «Об анакреонтической оде» (*Гуковский Г. А. Русская поэзия XVIII века*. Л., 1927. С. 103–150).

³ О «сумароковской школе» в русской поэзии XVIII века подробнее см.: *Gukovskij G. Von Lomonosov bis Deržavin // Zeitschrift für Slavische Philologie*. 1925. Bd 2. № 3/4. S. 344–351; *Гуковский Г. А. Русская поэзия XVIII века*. С. 39–40, 44–47.

⁴ См. «предупреждение» к первой части: *Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета*. 1779. Ч. 1. С. 3 нум.

⁵ Там же. Ч. 2. С. 39–47.

ются более или менее полными переводами стихотворений, помещенных в двухтомном сборнике «Anakreontische Versuche» («Анакреонтические опыты», 1751)⁶ немецкого литератора Иоганна Франца фон Палтена (Johann Franz von Palthen; 1724–1804). О нем известно совсем немного: он родился, по всей вероятности, в Висмаре или Грейфсвальде; обучался, видимо, в Грейфсвальде, где в 1745 году была опубликована его диссертация по наследственному праву «De jure detractus quatenus usu Pomeraniae obtineat». Он был лицензиатом права и служил в качестве шведского советника юстиции и государственного адвоката (advocatus fisci) в высшем апелляционном суде Висмара (этот город, как и вся Западная Померания, по Вестфальскому договору 1648 года надолго вошел в состав Швеции).⁷ Палтен издал несколько переводов: «Басни» Дж. Гея (Гамбург, 1758), «Времена года» Дж. Томпсона (Росток, 1758; переизд. 1766), «Сотворение» Р. Блекмора (Висмар, 1764), «Письма» Сенеки (Лейпциг и Росток, 1765–1767; т. 1–2). Наибольшую известность Палтену принес разгромный отзыв Г. Э. Лессинга в «Письмах о новейшей литературе» о сборнике Палтена «Опыты развлечения»,⁸ содержащем произведения самого разного рода (поэму «Весна», переводы из Горация, Петрарки, П.-А. Мандзолли, а также проект вечного мира).⁹

Но вернемся к переводам анакреонтических стихотворений Палтена в «Модном ежемесячном издании»; их оригиналами, как удалось установить, являются следующие его произведения: «Die Begeisterung»,¹⁰ «Der Mord», «Die Elisäischen Felder», «Dauer der Liebe», «Seelenwanderung», «Mein Mädgen», «An den Maler». Все они написаны белыми стихами без деления на строфы (в переводах эта особенность сохранена); их размеры — трехстопные ямбы и четырехстопные хорей. Анонимный переводчик в пяти случаях сохранил размеры, а в двух по неясным резонам их изменил. Так, «Die Begeisterung» и «Mein Mädgen» написаны трехстопными ямбами, а их переводы «Вдохновение» и «К девке» — четырехстопными хорейми. Как нетрудно заметить, даже предприняв подобные изменения, русский аноним оставался в рамках сумарковских установок в отношении данного жанра.

Почти все стихотворения при переводе увеличились в объеме; из них «Dauer der Liebe» в наибольшей мере — в два раза, с семнадцати строк до тридцати четырех в «Продолжении любви». ¹² Лишь одно стихотворение подверглось сокращению: «Преселение душ» содержит тридцать стихов, а его оригинал «Seelenwanderung» — сорок. Подобное свободное отношение к объемам вполне соотнобразуется с вольностями передачи содержания в русской подборке — изложение обрастает отсутствующими в немецких стихах подробностями, многие детали опускаются или изменяются до неузнаваемости. Так, например, в стихотворении «Seelenwanderung» речь идет о двух видах насекомых (блохах и мухах), всеми презираемых, но в действительности счастливых: им суждено без соблюдения церемониалов приближаться к представительницам прекрасного пола («Ein Floh und eine Fliege / Sind zwey verworfne Thiere...»). И это в то время, когда поэту приходится переносить немало неудобств и предпринимать немало ухищрений для сближения с возлюбленной: не спать десять ночей, сочинить десяток любовных писем, десять раз проигрывать в карты, устраивать музыкальные концерты, лгать, общаться с родителями и проч. В «Преселении душ» этих насекомых оказывается уже три вида, а «каталог» любовных уловок кавалера заменен указанием на «напасти» и «разные препятства»:

⁶ Palthen J. F. von. *Anakreontische Versuche*. Stralsund, 1751. Th. 1–2.

⁷ Наиболее подробную информацию о нем см.: *Sehlke S. Pädagogen — Pastoren — Patrioten*. Biographisches Handbuch zum Druckgut für Kinder und Jugendliche von Autoren und Illustratoren aus Mecklenburg-Vorpommern bis 1945. Norderstedt, 2009. S. 280–281.

⁸ Palthen J. F. von. *Versuche zu vergnügen*. Rostock, 1758–1759. Sammlung 1–2.

⁹ *Lessing G. E. Werke / Hrsg. von H. G. Göpfert in Zusammenarbeit mit K. Eibl, H. Göbel, K. S. Guthke, G. Hillen, A. von Schirmding und J. Schönert*. München, 1970. Bd 5. S. 36 (пятое письмо от 18 января 1759 года).

¹⁰ Palthen J. F. von. *Anakreontische Versuche*. Th. 1. S. 60–62.

¹¹ *Ibid.* Th. 2. S. 8, 7, 49–50, 51–52, 15–16, 43–44.

¹² «Продолжение» употреблено здесь в значении «продолжительность», «длительность любви», как явствует из немецкого названия стихотворения («Dauer der Liebe»).

Счастливей всех на свете,
 В глазах моих, три твари,
 Которы всем не милы:
 Блоха, комар и муха.
 Они лишь пожелают,
 В чертогах и шалашке
 Целуют нежны груди
 Прелестнейших красавиц.
 А я напасти многи
 И разные препятства
 Снести с терпеньем должен,
 Чтоб счастья достигнуть
 И целовать любезну.¹³

Назвав свою подборку в «Модном ежемесячном издании» «анакреонтическими стихами», неизвестный русский переводчик, несомненно, отталкивался от заглавия сборника «Anakreontische Versuche», но в то же время он, конечно, опирался и на русскую, к тому времени уже сложившуюся традицию, согласно которой «анакреонтическими стихами» назывались стихотворения самой различной тематики, написанные определенными метрами, употребительными в анакреонтических одах сумароковского типа.¹⁴

Еще один случай перевода с немецкого, заслуживающий внимания в данном контексте, — это стихотворение «Стрелы Амура: Анакреонтическая ода (Из сочинений В...)», помещенное в 1797 году А. М. Котельницким в «Приятном и полезном препровождении времени».¹⁵ Достаточно легко расшифровываемое в конце XVIII века указание на автора со временем утратило свою внятность,¹⁶ а в наиболее авторитетном обзоре литературной деятельности Котельницкого источником перевода названо некое стихотворение К.-М. Виланда, впрочем, без указания его названия.¹⁷ В действительности это переложение стихотворения «Amors Pfeile. An Chloe» Христиана Феликса Вейсе (Christian Felix Weiße; 1726–1804), в свое время весьма известного немецкого прозаика, поэта и педагога.¹⁸ Переводя, Котельницкий сохраняет важные черты оригинала: пятистопный ямб, четверостишия с перекрестной рифмовкой, чередование мужских и женских рифм и проч.; при этом число катренов у него возрастает с восьми до десяти.

Экспозиция Вейсе (Амур является лирическому герою во сне) Котельницким изменена: божок любви застигнут на берегу в то время, когда он моет свои стрелы и чистит колчан. В обоих стихотворениях в центре находится рассказ Амура о том, какие стрелы кому он предназначает. У Вейсе они распределяются так: стрелы, украшенные перьями филинов, — для мизантропов, воробьиными — для похотливых, орлины-

¹³ Модное ежемесячное издание... 1779. Ч. 2. С. 44–45.

¹⁴ Ср.: *Нарышкин А.* Стихи анакреонтические: «Всемогущая приятность...» // Полезное увеселение. 1762. Июнь. Ч. 5. С. 268–274; [Б. п.]. Стихи анакреонтические: «Вечерняя певца...» // Невинное упражнение. 1763. Июнь. С. 226; [Богданович И. Ф.]. Разлука: анакреонтовыми стихами // Там же. С. 302–304; *Карамзин Н. М.* Анакреонтические стихи А* А* П* <А. А. Петрову> («Зефир прохладный веет...») // Детское чтение. 1789. Ч. 18. С. 93–95, и др.

¹⁵ *Котельницкий А.* Стрелы Амура: Анакреонтическая ода (Из сочинений В...) («К источнику кристальну, чисту...») // Приятное и полезное препровождение времени. 1797. Ч. 11. С. 364–366.

¹⁶ В «Историческом разыскании о русских повременных изданиях» А. Н. Неустроева помета «Из сочинений В...» не воспроизведена; по описанию стихотворение выглядит как вполне оригинальное (*Неустроев А. Н.* Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 гг. СПб., 1874. С. 770).

¹⁷ *Степанов В. П.* Котельницкий Александр Михайлович // *Словарь русских писателей XVIII века.* СПб., 1999. Вып. 2: К–П. С. 135. Отмечу попутно, что в справочниках П. Дрекса, суммирующих сведения о произведениях немецкой литературы, переведившихся в России в XVIII веке, рассматриваемые нами стихотворения И. Ф. Палтена и Х. Ф. Вейсе не фигурируют: *Dreux P.* 1) *Deutsch-slavische Literaturbeziehungen im 18. Jahrhundert.* München, 1996; 2) *Die Rezeption deutscher Belletristik in Russland: 1750–1850.* München, 2008.

¹⁸ Это стихотворение при жизни поэта неоднократно перепечатывалось; оно было впервые опубликовано в книге: *Weisse Ch. F.* *Kleine lyrische Gedichte.* Leipzig, 1772. Bd 1. S. 221–223.

ми — для храбрецов, из хвоста ворон — для болтунов, перьями павлинов — для щеголей, а голубиными — для тех, кто верен в любви. Лирический герой, влюбленный в Хлою, понимает, что стрелой именно этого последнего рода он и был ранен. Этот пассаж преобразуется у Котельницкого следующим образом:

«...Пронзить ли сердце я желаю
В ревнивой тающа любви,
Тогда я стрелы напою
Печальна *филина* в крови. <...>

Орел мне служит для отважных,
А чижик для пустых вралей,
Кокушка для любви приказных,
Для верных *ласточка* друзей.

Для дружбы, верностью венчанной,
Прекрасную стрелу беру,
Пером *голубки* постоянной
Я украшаю ту стрелу».

О! сколь стрела сия полезна,
Со вздохом я тогда сказал;
Стрела коснулась мне любезна,
И я к *Ирису* воспылал.¹⁹

Два случая обращения русских литераторов XVIII столетия к немецкой анакреонтике, рассмотренные выше, весьма существенны для понимания того, каким образом происходило в России освоение этого жанра. Сходство акцентуации в обоих языках создавало предпосылки для сохранения средствами русского языка силлабо-тонических размеров немецких оригиналов, которые по большей части и воспроизводились (то же можно сказать и о других особенностях: строфичность или ее отсутствие, единообразии клаузул или же чередование клаузул разного вида и проч.). В тех же двух случаях, когда русский анонимный переводчик 1779 года отказался от размера подлинника, он избрал метр, связанный в русской поэзии того времени в первую очередь с анакреонтическим родом. При этом оба русских литератора, несомненно, были увлечены тем, что они переводили, и, хотя допускали некоторые вольности, но стремились в целом верно передать содержание немецких оригиналов и их игривый характер.

¹⁹ Приятное и полезное препровождение времени. 1797. Ч. 11. С. 365–366.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-2-41-51

© В. А. Кошелев

АККЛИМАТИЗАЦИЯ БАБЫ ЯГИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Баба Яга — «в славянской мифологии лесная старуха-волшебница. Согласно сказкам восточных и западных славян, Б. Я. живет в лесу в „избушке на курьих ножках“, пожирает людей; забор вокруг избы — из человеческих костей, на заборе черепа, вместо засова — человеческая нога, вместо запоров — руки, вместо замка — рот с острыми зубами. В печи Б. Я. старается изжарить похищенных детей. Она — антагонист героя сказки: прилетев в избу и застав в ней героя, вырезает у него из спины ремень и т. п. Кроме образов Б. Я. воительницы и похитительницы, сказка знает